

ISBN 978-1-948507-60-8

SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY
LIBRARY.RU

Google
scholar

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

**LIBRARY OF
CONGRESS (USA)**

IV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF HISTORY,
CULTURAL STUDIES AND PHILOLOGY**

Boston. USA. November 19-20, 2018

ISBN 978-1-948507-60-8

UDC 08

**IV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
HISTORY, CULTURAL STUDIES AND
PHILOLOGY»**

(Boston. USA. November 19-20, 2018)

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2018

INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS OF HISTORY, CULTURAL STUDIES AND PHILOLOGY / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. IV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE (Boston, USA, November 19-20, 2018). Boston. 2018

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: VALTSEV SERGEI
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskih N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Kovaljov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skripko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE

**PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»**

VENUE OF THE CONFERENCE:

1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES

TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)

THE CONFERENCE WEBSITE:

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS

Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)

<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Contents

GENERAL HISTORY	4
<i>Abdusamatova N.S. (Republic of Uzbekistan) DEVELOPMENT OF TRADE AND MARKETS OF THE KASHKADARYA OASIS IN THE MIDDLE AGES / Абдусаматова Н.С. (Республика Узбекистан) РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И РЫНКОВ КАШКАДАРЬИНСКОГО ОАЗИСА В СРЕДНИЕ ВЕКА</i>	<i>4</i>
PHILOLOGICAL SCIENCES	8
<i>Rakhimzhanov K.Kh., Ayapbergenov B.K. (Republic of Kazakhstan) LANGUAGE PERSONALITY AS A GENERIC CONCEPT / Рахимжанов К.Х., Аяпбергенев Б.К. (Республика Казахстан) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК РОДОВОЕ ПОНЯТИЕ.....</i>	<i>8</i>
<i>Rakhimzhanov K.Kh., Akosheva M.K. (Republic of Kazakhstan) ANTINOMIES OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION / Рахимжанов К.Х., Аकोшева М.К. (Республика Казахстан) АНТИНОМИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ</i>	<i>11</i>
<i>Novokhatskaya O.E. (Russian Federation) THE ROLE OF TEACHERS IN LEARNERS' MOTIVATION / Новохатская О.Э. (Российская Федерация) РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В МОТИВАЦИИ УЧЕНИКОВ.....</i>	<i>14</i>
<i>Khairutdinova R.R. (Russian Federation) COMPLEX FEATURES (LEXICAL AND GRAMMATICAL) OF THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT / Хайрутдинова Р.Р. (Российская Федерация) КОМПЛЕКСНЫЕ (ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....</i>	<i>18</i>
THEORY AND HISTORY OF CULTURE.....	22
<i>Pastushenko L.I. (Ukraine) METAPHOR «BOOK – THE WORLD» IN THE HISTORY OF EUROPEAN INTELLECTUALISM / Пастушенко Л.И. (Украина) МЕТАФОРА «КНИГА – МИР» В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА</i>	<i>22</i>

GENERAL HISTORY

DEVELOPMENT OF TRADE AND MARKETS OF THE KASHKADARYA OASIS IN THE MIDDLE AGES

Abdusamatova N.S. (Republic of Uzbekistan)

Email: Abdusamatova54@scientifictext.ru

*Abdusamatova Nurkhon Sobirjon kizi - Student,
DIRECTION OF TRAINING HISTORY,
FACULTY OF SOCIAL AND ECONOMIC,
GULISTAN STATE UNIVERSITY, GULISTAN, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: the article discusses the development of trade and markets in the Kashkadarya oasis in the Middle Ages. The place of the city of Karshi is revealed as one of the main points on the Great Silk Road. The place of Karshi and Shahrisabz in foreign and domestic trade is analyzed. Based on information from historical sources, it was shown that in the Middle Ages, large and small bazaars were in each city of the Kashkadarya oasis. Handicraft workshops worked in the bazaars; local products and foreign goods were sold. In the era of Amir Temur, trade reached its peak.

Keywords: Kashkadarya oasis, local bazaar, international market, trade, abundance, products, goods, trade relations.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И РЫНКОВ КАШКАДАРЬИНСКОГО ОАЗИСА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Абдусаматова Н.С. (Республика Узбекистан)

*Абдусаматова Нурхон Собиржон кизи – студент,
направление: история,
социально-экономический факультет,
Гулистанский государственный университет, г. Гулистан, Республика Узбекистан*

Аннотация: в статье рассматривается развитие торговли и рынков в Кашкадарьинском оазисе в средние века. Раскрывается место города Карши как одного из основных пунктов на Великом Шелковом пути. Анализируется место города Карши и города Шахрисабза во внешней и внутренней торговле. На основе сведений из исторических источников показано, что в средние века большие и малые базары были в каждом городе Кашкадарьинского оазиса. На базарах работали ремесленные мастерские, продавалась местная продукция и иноземные товары. В эпоху Амира Темура торговля достигла своего расцвета.

Ключевые слова: Кашкадарьинский оазис, местный базар, международный рынок, торговля, изобилие, продукция, товар, торговые связи.

Кашкадарьинский оазис, расположенный на юге Узбекистана, занимает важное место в центрально-азиатской цивилизации. Областной центр – город Карши, за свою 2700-летнюю историю ставший свидетелем многих исторических событий, является одним из древнейших городов Центральной Азии. Город Карши в древности был известен как Нахшаб, в средние века – как Насаф. Средневековые

источники описывают его городом, достигшим своего расцвета. Уже в X-XII веках Насаф был крупным, развитым центром оазиса, связи которого были поставлены на широкую ногу, в котором имелись поля и сады, богатые овощами и фруктами. Он был известен как край, продукция которого, из-за раннего созревания, продавалась в ближних и дальних базарах [6, с. 58-59]. Край занимал важное место не только в местных базарах, но и на международном рынке. Вследствие влияния развитого ремесленничества, животноводства, земледелия, экономика края росла из года в год, что послужило причиной развития базаров, обеспеченных различными товарами. Широкие площадки между кварталами ремесленников и укрепленным центром занимали базары, специализированные на продаже отдельных товаров. Историк Самоний описывал улицу ювелиров, выходящую на базарную площадь, караван-сарай Хон аль-Бозиддина, то есть караван-сарай, торгующий тканями, базарчик Джубак, продающий фрукты [6, с. 57-58].

Базары, порождая процессы своеобразных социально-экономических отношений, считаются пространством, связывающим друг с другом различные территории, развивающим обмен культурными ценностями. Развитие Кашкадарьинского оазиса также было связано непосредственно с базарами. Развитию базаров города Насафа способствовало нижеследующее: в начале XIII века Насаф являлся одним из крупных центров ремесленничества и торговли в Мавераннахре, занимал важное стратегическое место на пересечении основных транзитных дорог, ведущих в Самарканд, Бухару, Иран, Хорасан и Индию [6, с. 61-62].

После завоевания Средней Азии монголами ситуация изменилась коренным образом. Ремесленные мастерские, базары, торговые ряды и тимы в городах были разрушены и приостановили свою деятельность. Лишь в период правления монгольских ханов, правивших в конце XIII - начале XIV века, были предприняты попытки оживить торговлю и проведены некоторые реформы. В частности, в 1321 году монгольский хан Кебекхан провел денежную реформу и достиг некоторого оживления торговли [2, с. 261]. Кебекхан построил в Насафе новую резиденцию, из которой он управлял страной. После освобождения из-под монгольского ига, Амир Темура с огромными трудностями сумел создать могущественную империю и вернуть своей родине свободу, прогресс и бодрый дух. Как отмечал В.В.Бартольд, вернувшийся в 1396 году из 5-летнего похода Амир Темура освободил народ Туркестана от трехлетнего налога. После освобождения народа от налога сроком на 3 года экономический подъем в стране продолжался бесперебойно [4, с. 439]. Амир Темура стремился благоустроить и развивать свои владения. В то время на территории Кашкадарьи особое внимание уделялось развитию животноводства, овцеводства, особенно повышению поголовности гиссарских овец. В свое время и Клавихо обратил внимание на этих овец. В 1404 году, будучи в Шахрисабзе, испанский посол записал в своем дневнике: «В этом месте изобилие всего: пшеница, вино и мясо, фрукты и птицы; овцы очень крупны и с большим курдюком, и даже курдюк некоторых весит 20 фунтов, то есть так тяжелы, что один человек еле сможет поднять его. Таких овец очень много и они очень дешевы» [4, с. 442-443].

В эпоху правления Темура кроме изобилия пищевых продуктов, было изобилие и в сфере одежды. Это в свою очередь повышало интерес у иностранных купцов. Конечно, там, где царят мир и спокойствие, там развивается торговля, базары не прекращают свою деятельность. Ибн Арабшах так характеризует эпоху Амира Темура: «Таким образом, воцарились мир и

спокойствие, благоденствие и изобилие, низкие цены, осуществление желаний, умеренность эпохи, справедливость государя, здоровье тела, исчезновение зависти» [3, с. 311].

В начале XVI века Карши был городом, укрепленным оборонительными сооружениями. Его развитие, во-первых, связано с тем, что он размещался на пересечении основных торговых путей. Торгово-экономические и культурные связи Бухары с Шахрисабзом, Гузаром, Термезом, Балхом и с городами Индии осуществлялись через Карши. Это также послужило повышению значения Карши в политико-экономических отношениях ханства [6, с.70-71].

В период правления Аштарханидов Карши сохранил статус основного города Кашкадарьинского оазиса. Как подчеркивается в источниках, в конце XVII века в городе Карши в ощутимой степени оживляется ремесленничество. С размахом ремесленничества начинает развиваться и торговля. Два этих фактора занимали важное место в развитии и становлении города Карши, который был расположен на Великом Шелковом пути, на развилке дороги в Балх. Карши считался вторым крупным торговым центром эмирата, в нем было два базара. Один базар располагался в северо-западной части городской крепости, а второй – вне городской стены, по дороге, ведущей в Чиракчи [5, с. 31]. Каршинские базары разделялись на специализированные торговые ряды. Как известно, у каждого города базарный день приходился на определенный день недели. Как отмечается в источниках, в Карши в качестве базарных дней были назначены воскресенье и среда [1, с. 213]. Кроме этого, для удовлетворения ежедневных потребностей населения, ежедневно действовали тим и токи. В 1400 лавках городского рынка, как и на базаре Бухары, местные и иноземные товары продавались в отдельных лавках и рядах. В каждый торговый день на городском базаре продавалось алачи на 2 тысячи рублей и атласа на 5 тысяч рублей. Производство атласа и шелковых тканей было развито в такой степени, что «саженцы тутового дерева были посажены даже во дворах мечетей и медресе, а почти все собранные коконы перерабатывались и превращались в готовую продукцию городскими ткачами шелка и атласа, и лишь малое количество коконов отправлялось в Бухару» [5, с. 32].

Как показывают сведения, базары Карши были всегда многолюдными и шумными, занимали одно из центральных мест во внешней и внутренней торговле ханства. Здесь находили своих покупателей товары арабских и туркменских скотоводов, ковры, паласы, хурджины, потники, гиссарские алачи, каратагские и гиссарские ножи и мечи, шерабадский хлопок, индийский чай и краски, афганские кони и овцы. Именно из-за этой торговли Карши год за годом развивался и рос [5, с. 32]. В источниках Карши упоминается и как один из красивейших мест Мавераннахра.

Археологические находки, отнесенные к X-XII векам свидетельствуют о том, что в город Кеш (Шахрисабз) было развито ремесленничество, гончарное и стеклодувное производство. Также было развито горнорудное дело. В областях Среднего Востока была знаменита красная соль из Кеша. Был знаменит также и крытый рынок Чорсу, сооружение которого относят к XVII-XVIII вв. Он располагался в центре города. Отходящие от него дороги вели к воротам города. То, что в Шахрисабзе было 7 караван-сараев говорит о том, что внутренняя и внешняя торговля была развита. В XVIII-XIX веках города Шахрисабз и Китаб считались культурными и торговыми центрами Кашкадарьинского оазиса. Бывшие в Китабе русские путешественники отмечали, что в городе было 6 каравансараев (Огалик

бобо, Очил Эрон, Гузабазар, Кадис, Миразимбой, Мухаммади Сарой) и множество базарчиков. Основной же базар Китаба был расположен на восточной стороне от дворца городского бека, после площади Регистан. Каравансараи располагались вокруг главного базара [7, с. 177-178]. В новое время Шахрисабзское бекство также стремительно развивалось. После 70-ых годов XIX века во внутренней торговле ханства город Шахрисабз занимал третье место исходя из своей торгово-экономической роли. Китабский шелк-сырец отправлялся через Шахрисабзский базар в Самарканд. Поэтому в Восточной Бухаре Шахрисабз славился как один из торговых центров, а Китаб славился как центр, занимающий высокую роль в обеспечении Шахрисабзского базара ремесленными товарами [5, с. 33].

Продукция шелководства считалась основным торговым товаром на территории всей Кашкадарьи. О жизни в оазисе кроме местных историков, писали также и зарубежные гости, которые подчеркивали благоустроенность территории и красоту окружающих мест. В частности, Александр Бернс писал: «Наше пребывание в Карши дало нам возможность рассмотреть это место. Город расположился на пространстве в одну милю. Он имеет огромный базар и 10 000 населения» [4, с. 521]. По сведениям А.Вамбери: «Карши, древний Нахшаб, по размерам, а также по торговле является вторым городом в Бухарском ханстве. Он состоит из укрепления в самом городе и поселения с маленьким укреплением в северо-западной части города. В середине XIX века в Карши было 10 караван-сараев и большой базар» [4, с. 524]. Большой базар назывался «Верхним базаром», и по своей площади не уступал знаменитым восточным базарам. Шумный, огромный базар каждый день был многолюден. На этом большом базаре продавалось кроме местной продукции, и множество привезенных из-за границы товаров.

В середине XIX века социально-экономический, культурный облик города Карши был освещен в известиях, написанных зарубежными путешественниками, учеными и местными историками. Таким образом, Кашкадарьинский оазис с древнейших времен до наших дней является одной из важных стратегических и торговых точек Центральной Азии.

Список литературы / References

1. *Агзамова Г.* XVI-XIX асрнинг биринчи ярмида Ўзбекистон шаҳарлари ва шаҳарлар ҳаёти.: Дисс. тарих фанлар номзоди. Т., 2000. 317 б.
2. *Бердимуродов А., Индиаминова Ш.* Буюк ипак йули (Китъалар ва асрлар оша). Т.: O`zbekiston, 2017. 394 б.+32 вкл.
3. *Ибн Арабшоҳ.* Амир Темур тарихи. 1 қисм. Т.: Мехнат, 1992. 324 б.
4. *Равианов П.* Қарши тарихи: Нахшаб, Насаф. Т.: Янги аср авлоди, 2006. 647 б.
5. *Разоқов Д.* Бухоро хонлигининг ташқи савдо алоқалари (XIX асрнинг 60-90 йиллари): Дисс.тарих фанлари номзоди. Т., 1994. 190 б.
6. *Ртвеладзе Э., Сулаймонов Р., Эркаев А.* Қарши. Т.: Маънавият, 2006. 363 б.
7. *Қадимги Кеш – Шахрисабз тарихидан лавҳалар.* Т.:Шарқ, 1998. 208 б.

LANGUAGE PERSONALITY AS A GENERIC CONCEPT

Rakhimzhanov K.Kh.¹, Ayapbergenov B.K.²

(Republic of Kazakhstan)

Email: Rakhimzhanov54@scientifictext.ru

¹Rakhimzhanov Kanat Khismatovich - Candidate of philological Sciences, Associate Professor;

²Ayapbergenov Bulat Kabidenovich - Candidate of philological Sciences,

DEPARTMENT OF KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES,

SAKEN SEIFULLIN KAZAKH AGROTECHNICAL UNIVERSITY,

ASTANA, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: the social and individual aspects of the language personality are considered. The content of the concept of linguistic personality includes the value, cultural and personal components. As a generic concept, a linguistic personality has such types as a linguistic communicative personality, a collective linguistic personality, a national linguistic personality. The linguistic personality participates in all points of communication, with its description both individual characteristics and norms of speech activity are taken into account. The introduction of the concept of personality into linguistics means that the language belongs to a person who is aware of his place in the world.

Keywords: linguistic person, communicative person, collective person, national language person.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК РОДОВОЕ ПОНЯТИЕ

Рахимжанов К.Х.¹, Аяпбергенов Б.К.² (Республика Казахстан)

¹Рахимжанов Канат Хисматович – кандидат филологических наук, доцент;

²Аяпбергенов Булат Кабиденович – кандидат филологических наук,
кафедра казахского и русского языков,

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина,
г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация: рассматриваются социальный и индивидуальный аспекты языковой личности. В содержание понятия языковой личности включаются ценностный, культурологический и личностный компоненты. Как родовое понятие, языковая личность имеет такие виды, как языковая коммуникативная личность, коллективная языковая личность, национальная языковая личность. Языковая личность участвует во всех точках коммуникации, при ее описании учитываются и индивидуальные характеристики, и нормы речевой деятельности. Введение понятия личности в лингвистику означает, что язык принадлежит личности, осознающей свое место в мире.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная личность, коллективная личность, национальная языковая личность.

Понятие «языковая личность» интенсивно рассматривается в лингвистике. Языковая личность – социальное явление, но в ней есть индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов. При этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками, характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частотности употребления. Языковая личность понимается Ю.Н. Карауловым как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловивших создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью [1, с. 35].

В ее содержание исследователи включают следующие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. систему ценностей, жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный глубинный взгляд на мир, образует тот языковый образ мира и иерархии духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе общения;

2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т.е. индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Статус существования языковой личности можно определить по тому, как она проявляет себя в дискурсе, в котором она может выстроиться как коммуникабельная и некоммуникабельная, конформистская и неконформистская, кооперативная и некооперативная, жесткая и мягкая, рассудительная и эмоциональная, что находит свое выражение в том, что каждый из общающихся ведет свой речевой дискурс или принимая, или отвергая предложенные линии коммуникации.

Языковая личность – родовое понятие, включающее в себя несколько видовых понятий: *языковую коммуникативную личность, коллективную языковую личность, национальную языковую личность* и др. *Коммуникативная личность* понимается как одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного хода, благодаря которым обеспечивается адекватное восприятие и целенаправленная передача информации в конкретной конситуации. *Национальная языковая личность* – это и есть языковая личность, ибо все это то, что мы называем «вневременной и инвариантной частью в структуре языковой личности». Как раз «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвентарный характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую,

историческую его составляющую» [1, с. 42]. Понятие «национальная языковая личность» более выпукло показано в трактовке В.В. Воробьева, который, считая, что понятие «личность» оказывается средоточием всех важнейших концептуальных (понятийных) характеристик предметов духовной и материальной культуры народов, заостряет внимание на понятии «русская национальная личность» [2, с. 98]. «Коллективная языковая личность» может быть понята условно, так как сущность языковой личности остается стабильной по главным параметрам, хотя индивидуальные характеристики совершенствуются в процессе социализации индивидуума и варьируются в соответствии со сферой коммуникации, социальной ситуацией и видом коммуникации. Также рассматривается и этнокультурная личность, под которой понимается личность, сохранившая самобытность своего этноса и одновременно готовая для освоения ценностей других культур [3].

Языковая личность участвует во всех точках коммуникации, поэтому при ее описании необходимо учитывать не только индивидуальные характеристики, но нормы речевой деятельности той или иной социальной защиты. Введение понятия личности в лингвистику говорит о том, что язык принадлежит личности, осознающей себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и в языковом общении, свое отношение к принятым принципам и конвенциям ведения дискурса, творчески использующей язык в своих предметных и речевых действиях.

Список литературы / References

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. М.: РУДН, 1997. 331 с.
3. *Алдабергенова Г.Д.* Об этнокультурном подходе к исследованию личности билингва // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 6 (78). Алматы, 2006. С. 151-152.

ANTINOMIES OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Rakhimzhanov K.Kh.¹, Akosheva M.K.² (Republic of Kazakhstan)

Email: Akosheva54@scientifictext.ru

¹Rakhimzhanov Kanat Khismatovich - Candidate of philological Sciences, Associate Professor;

²Akosheva Marzhan Kasymovna - Candidate of philological Sciences, Associate Professor,

DEPARTMENT OF KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES;

SAKEN SEIFULLIN KAZAKH AGROTECHNICAL UNIVERSITY,

ASTANA, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: we consider such typical properties of inter-cultural communication as conflict and tolerance, presented in the form of antinomies. Conflict is represented as a conflict of pictures of the world, a clash of interpretations and attitudes. Tolerance emerges as a factor contributing to the achievement of mutual understanding between the unique mental structures that enter into communication. At the same time, the mechanism of "attraction" acts, forming the need to comprehend the detected differences between "one's own" and "someone else's". In this situation, the strategy of intercultural interaction is to fill the intercultural and linguistic gaps through the manifestation of tolerance and the desire to adapt to a new culture.

Keywords: tolerance, conflict, communication, culture.

АНТИНОМИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Рахимжанов К.Х.¹, Аकोшева М.К.² (Республика Казахстан)

¹Рахимжанов Канат Хисматович – кандидат филологических наук, доцент;

²Акошева Маржан Касымовна – кандидат филологических наук, доцент,

кафедра казахского и русского языков,

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина,

г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация: рассматриваются такие типовые свойства межкультурной коммуникации, как конфликт и толерантность, представленные в виде антиномий. Конфликт представляется как конфликт картин мира, столкновение интерпретаций и установок. Толерантность выступает как фактор, способствующий достижению взаимопонимания между уникальными ментальными структурами, вступающими в коммуникацию. При этом действует механизм «притяжения», формирующий потребность осмыслить обнаруженные различия между «своим» и «чужим». В такой ситуации стратегия межкультурного взаимодействия состоит в том, чтобы заполнить межкультурные и языковые пробелы путем проявления толерантности и стремления адаптироваться в новой культуре.

Ключевые слова: толерантность, конфликт, коммуникация, культура.

Исследование закономерностей межкультурной коммуникации позволяет выделить ее типовые свойства, представленные в виде антиномий – противоречивых тенденций, в разной степени отражающих сущность объекта. К таким свойствам относятся конфликт и толерантность, «свой» и «чужой», институциональное и личностное, личностное и массовое, стандарт и

специфичность коммуникации. Остановимся на конфликте и толерантности. Как известно, межкультурная коммуникация отличается противоречивостью в протекании коммуникативного акта. С одной стороны, в ходе ее актуализируются конфликты между партнерами, возникающие вследствие следующих причин: а) недостаточное знание культуры страны, представителем которой является партнер; б) проявление ущербной компетентности в знании второго языка. В результате овладения вторым языком, иным социокультурным опытом, коммуникант, аккультурируясь к культуре другого сообщества, проявляет терпимость, позитивное отношение к иной культуре. Межкультурные конфликты проявляются вследствие первоначального отрицания субъектом коммуникации различий культур, признания собственного культурного превосходства. Такое восприятие обусловлено этноцентризмом.

Конфликт, в данном контексте это межкультурный конфликт, больше представляется как конфликт картин мира, столкновение интерпретаций и установок, так как национальная картина мира особенно тесно связана с духовной жизнью личности коммуниканта. Здесь первая задача межкультурных конфликтов – это соединиться «своим» и размежеваться с «чужими». Здесь надо сделать оговорку: в жизни отношения часто предполагают наличие многих взаимопроникающих конфликтов. Нельзя считать, что в основе любого конфликта между представителями разных культур лежит незнание культурных особенностей адресата коммуникации. То есть лишь знание культурных различий не решит проблем межкультурных конфликтов. Нельзя обойти вниманием и следующий подход к пониманию конфликта: в исследовательской традиции конфликт понимается как "случившееся"; как механизм, искусственно создаваемый организатором для активизации или торможения мышления и деятельности; как объект исследования, как способ межкультурной коммуникации. Подобное представление о конфликте даст возможность собрать в одно целое праксеологические компоненты конфликта в разных исследовательских традициях, и благодаря этому показать культурную представленность конфликта на макро- и микро уровнях [1]. Здесь появление конфликта в межкультурной коммуникации в качестве одного из ее способов может стать началом демократического взаимодействия между людьми [1]. Толерантность же – это противоположный фактор, способствующий достижению взаимопонимания между вступающими в коммуникацию уникальными ментальными структурами, имеющимися у субъектов общения. Она обеспечивает взаимопонимание, возможность постижения культуры, языка другого народа. В данном случае действует механизм «притяжения», который формирует потребность осмыслить обнаруженные различия между «своим» и «чужим». В такой ситуации стратегия межкультурного взаимодействия состоит в том, чтобы заполнить межкультурные и языковые пробелы путем проявления толерантности и стремления адаптироваться в новой культуре. Толерантность понимается и как чувство терпимости и уважительного отношения к культуре и мнениям других людей, не совпадающих с собственными [2]. Чувство толерантности показывает их благожелательное отношение к другой культуре и языку. Исследователи межкультурной коммуникации выделяют такие черты толерантной личности, как 1) гуманность, понимаемая как внимание к самобытному внутреннему миру человека, вера в его доброе начало, человечность отношений, отказ от форм принуждения и подавления достоинства человека; 2) рефлексивность - глубокое знание личностных особенностей, достоинств и недостатков;

3) свободолобивость, - как дисциплина и долг, неприятие насилия и запретов; 4) ответственность - проявление внутренней силы в ситуации, когда надо принять решение; 5) гибкость - умение в зависимости от характера участников событий, принять решение на основе владения информацией; 6) уверенность в себе; 7) самообладание как управление собственными эмоциями; 8) вариативность как многомерный подход к оценке окружающей жизни; 9) перцептивность как умение подмечать и выделять разные свойства людей; 10) сопереживание проблемам других коммуникантов; 11) чувство юмора как умение посмеяться над собой [3].

Таким образом, такие типовые свойства межкультурной коммуникации, как толерантность и конфликтность, предстают в качестве антиномий, то есть как противоречивые тенденции, отражающие сущность объекта.

Список литературы / References

1. *Злагодухин А.И.* Конфликт как способ межкультурной коммуникации. Ставрополь, 2007. 155 с.
 2. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: КИОРУС, 2014. 254 с.
 3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
-

THE ROLE OF TEACHERS IN LEARNERS' MOTIVATION

Novokhatskaya O.E. (Russian Federation)

Email: Novokhatskaya54@scientifictext.ru

Novokhatskaya Olga Eduardovna – Lecturer,
DEPARTMENT OF FOREIGN LANGUAGES,
BELGOROD STATE AGRICULTURAL UNIVERSITY, BELGOROD

Abstract: the article deals with the issue of motivation in learning a second language, as well as the influence of teachers on the motivation of students. The article analyzes specific approaches to the formation of motivation, the difference between internal and external motivation, factors affecting motivation, and the adoption of motivational teaching practice. Based on a vast array of studies on motivation, this article assumes that teachers have a huge responsibility to initiate student motivation and maintain it throughout the learning process.

Keywords: motivation, professional motivation, learning effectiveness, teaching methods, commitment to learning.

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В МОТИВАЦИИ УЧЕНИКОВ

Новохатская О.Э. (Российская Федерация)

Новохатская Ольга Эдуардовна – преподаватель,
кафедра иностранных языков,
Белгородский государственный аграрный университет, г. Белгород

Аннотация: в статье рассматривается вопрос мотивации в изучении второго языка, а также влияние учителей на мотивацию учащихся. Анализируются конкретные подходы к формированию мотивации, различие между внутренней и внешней мотивацией, факторы, влияющие на мотивацию, и принятие мотивационной педагогической практики. Основываясь на обширном массиве исследований по мотивации, эта статья предполагает, что учителя несут огромную ответственность за инициирование мотивации учащихся и сохранение ее в течение всего процесса обучения.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная мотивация, эффективность обучения, методы преподавания, стремление к обучению.

УДК 378.147

Мотивация играет значительную роль в темпах и успешности изучения второго и иностранного языков в целом, и в изучении языка на занятиях в частности. Мотивация учащихся к развитию на изучаемом языке признается сложным процессом. Во многих случаях, студенты сталкиваются со многими препятствиями в изучении английского языка и часто мотивированы, чтобы учиться. Однако определенные мотивационные стратегии, выявленные в ходе исследования мотивации, могут помочь учащимся выработать более позитивное отношение к изучению языка. В данной статье обобщаются основные теории мотивации, обсуждается роль учителей в мотивации студентов, а также представлен комплексный обзор мотивационных стратегий, которые могут быть использованы преподавателями в своих классах.

Влияние учителя на мотивацию учащихся

Исследования мотивации при изучении второго языка в последние годы были сосредоточены на факторах, влияющих на мотивацию учащихся в процессе изучения второго языка. Исследователи пришли к выводу, что преподаватели являются одним из определяющих факторов мотивации учащихся. Другие исследования были посвящены изучению того, как учителя положительно влияют на мотивацию учащихся. Эти исследования показали, что учителя играют одну из самых влиятельных ролей, чтобы помочь студентам участвовать и упорствовать в длительном процессе приобретения второго языка.

Как учителя могут стимулировать мотивацию на занятиях по иностранному языку?

Создание основных мотивационных условий

Крайне важно, прежде чем пытаться создать какую-либо мотивацию, учителя должны принять во внимание некоторые условия. Учителя играют значительную роль во влиянии на мотивацию учащихся; действия и поведение учителей в классе оказывают на учащихся стимулирующее влияние. Поведение учителей является мощным инструментом мотивации в классе. Поэтому крайне важно создать в классе атмосферу взаимного доверия и уважения с учащимися. Учителя могут способствовать такому уважению и доверию, взаимодействуя со студентами на личном уровне и показывая, что они заботятся о личных проблемах своих студентов или проблемах, с которыми они сталкиваются в классе или даже за его пределами. Энтузиазм является еще одним фактором, который может повлиять на мотивацию учащихся. Если ученики признают энтузиазм своего учителя, они тоже будут с энтузиазмом подходить к выполнению заданий в классе.

Еще одним мотивационным условием является атмосфера в классе. Тревожность студентов является одним из наиболее признанных факторов, подрывающих эффективность обучения и мотивацию к изучению второго языка. Благоприятная и дружелюбная атмосфера в классе является наиболее продуктивной в привлечении учащегося к процессу обучения. В таких условиях студенты могут легко выражать свое мнение и взгляды по различным вопросам, потому что они чувствуют себя в безопасности, не боясь осуждения и сарказма со стороны сверстников.

Третье основное условие - создание сплоченной группы учащихся. Сплоченность учащихся оказывает влиятельное мотивационное воздействие на процесс обучения. Разобщенные группы могут иметь неэффективные результаты в обучении.

Формирование мотивации студентов

Каждый учитель мечтает иметь в своем классе мотивированного ученика, которым движет любопытство учиться и достигать своих целей. Учителя могут достигнуть этой цели генерации мотивации студентов путем построения различных стратегий. Во-первых, учителя должны укреплять ценности и отношение учащихся к языку, включая их внутренние, межкультурные и инструментальные ценности. Ключевым вопросом здесь является обеспечение интереса и удовольствия учащихся к учебе. Учителя должны знать, как «разжечь у студентов аппетит» и привлечь их внимание к изучению языка. Целевая культура также является полезным инструментом для формирования интегративной ориентации учащихся путем внедрения аутентичных материалов, которые отражают целевую культуру и сообщество целевого языка. Однако для некоторых учащихся изучение языка является средством достижения цели, и учителя должны осознавать это и стараться уделять внимание инструментальной ценности изучения языка. Например, некоторые учащиеся изучают язык для того, чтобы сделать успешную карьеру.

Поэтому преподаватели должны обращать внимание студентов на то, что свободное владение языком имеет решающее значение для реализации их амбиций.

Во-вторых, учителя должны отмечать успех своих учеников. Студенты проявляют более интереса, если они чувствуют, что они преуспеют в этой конкретной деятельности. Следовательно, он вряд ли будет стремиться к чему-то, если знают, что в конечном итоге потерпят неудачу. Другие способы увеличения ожидаемой успеваемости студентов включают оказание им помощи и предоставление времени для подготовки к заданиям, а также оказание помощи в преодолении любых препятствий, с которыми они могут столкнуться.

В-третьих, учителя должны ориентировать учеников на конкретные цели и работать вместе для их реализации. На самом деле, во многих учебных ситуациях преподаватели работают с заранее определенной программой и уже запланированной целью курса, но многие исследования показали, что эти цели чаще всего не соответствуют целям студентов. Что еще более важно, многие студенты сообщили, что они не понимают, почему они получают то или иное задание на занятии. В результате, отсутствие мотивации в изучении языка. Роль учителя заключается в том, чтобы направить класс к конкретной цели и объяснить студентам цель каждого вида деятельности и помочь им достичь этой цели. Подразумевается, что учитель должен понимать цели каждого ученика и вместе с учениками создавать набор целей для всей группы и работать над достижением этих целей.

Четвертая стратегия создания мотивации заключается в том, чтобы сделать учебные материалы актуальными для учащихся. Учебные заведения строят свою учебную программу на социальных нормах и не предоставляют студентам выбора. Учителя, в свою очередь, должны выбирать материалы как можно более актуальные для жизни студентов и, при необходимости, дополнять некоторые виды деятельности в учебниках более релевантными материалами, которые могут мотивировать студентов учиться и применить их к своему собственному опыту. Наконец, учителя должны помогать студентам создавать реалистичные представления об изучении языка. Некоторые учащиеся имеют некоторые нереалистичные представления о том, сколько прогресса или обучения они могут достичь в конкретном классе. Если они не увидят, что их убеждения или ожидания оправдались, они разочаруются и потеряют интерес к курсу.

Поддержание мотивации

В то время как важно генерировать и инициировать мотивацию учащихся, не менее важно поддерживать и защищать мотивацию. Один из способов поддержания мотивации - использовать в процессе обучения различные стили преподавания, презентации, различные материалы и учебные задачи.

Самооценка и уверенность учащихся играют ключевую роль в поддержании мотивации. Учащиеся не смогут преуспеть в изучении языка, если у них есть какие-либо сомнения в их способностях. Учителя могут содействовать уверенности учащихся в себе различными способами. Например, они могут сосредоточиться на положительных сторонах своих учеников, показывая своим ученикам, что они могут делать, а не что они не могут, и давая им возможность проявить себя на занятиях. Мотивация также может быть сохранена, когда студенты чувствуют, что они могут продемонстрировать положительный социальный имидж и показать свою сильную сторону. Аналогичным образом, социальный имидж учащихся может быть повышен в условиях, когда учащиеся не подвергаются критике или унижению и

когда учащиеся могут работать в группах, с тем чтобы обеспечить соблюдение норм терпимости. Кроме того, многие исследования в области психологии и образования указали, что поощрение автономии учащихся полезно для обучения. Учителя могут способствовать самостоятельности в обучении различными способами, в том числе разделяя обязанности по обучению, вовлекая их в принятие решений в отношении учебных материалов и предоставляя им полномочия посредством обучения сверстников и проектной работы. Большинство дискуссий о сохранении мотивации подчеркивали роль учителя, но если мы также дадим студентам возможность разделить эту ответственность, это будет полезно. Учащиеся, которые мотивируют себя, демонстрируют больший успех в достижении своих целей.

Список литературы / References

1. Аксёнова Н.В., Шепетовский Д.В. Организация внеаудиторной работы студентов как мотивация к изучению английского языка в техническом вузе // Молодой ученый, 2014. № 7. С. 481–483.
 2. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоняжина. М.: Педагогика, 1972. 352 с.
 3. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
 4. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку: на материале рус. яз. как иностр. / И.А. Зимняя. М.: Рус. яз., 1989. 219 с.
 5. Столяренко А.М. Психология и педагогика: учеб. пособие для вузов / А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-Дана, 2004. 423 с.
 6. Чирков В.И. Мотивация трудовой деятельности: критич. анализ заруб, теории трудовой мотивации / В.И. Чирков; Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 1985. 89 с.
 7. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации: избр. психол. тр. / П.М. Якобсон; Акад. пед. и соц. наук; Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 304 с.
-

COMPLEX FEATURES (LEXICAL AND GRAMMATICAL) OF THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT

Khairutdinova R.R. (Russian Federation)

Email: Khairutdinova54@scientifictext.ru

*Хайрутдинова Расила Рафаилевна – Master,
INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION OF THEM LEO
TOLSTOY,
GRADUATE SCHOOL OF TATISTIKY AND TURKOLOGY THEM GABDULLA TUKAY,
KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY, KAZAN*

Abstract: the article throws light upon the peculiarity of literary translation, lexical and grammatical transformations. The concepts “translation”, “faithful translation”, “transformation” are ascertains in our research. The lexical and grammatical transformations of Komissarov classification of interlanguage transformations and the usage of complex transformations in the translation of a literary text are in the scope of our interest. “Harry Potter and the Cursed Child” by Joan Rowling and its translation into the Russian language is used as the material for our scientific work.

Keywords: faithful translation, transformation, classification of interlanguage transformation, lexical and grammatical transformations.

КОМПЛЕКСНЫЕ (ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Хайрутдинова Р.Р. (Российская Федерация)

*Хайрутдинова Разиля Рафаилевна – магистр,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Высшая школа татаристики и тюркологии им. Габдуллы Тукая
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань*

Аннотация: данная статья посвящена изучению особенностей переводов художественной литературы и анализу комплексных (лексико-грамматических) трансформаций. В статье рассматриваются понятия «перевод», «адекватность», «трансформация»; анализируются комплексные (лексико-грамматические) трансформации из классификации межъязыковых трансформаций В.Н. Комиссарова. Источником исследования является пьеса Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Проклятое дитя» и ее перевод на русский язык. Во время исследования были использованы следующие методы: научно-исследовательский, описательный, сравнительный, сопоставительный, метод комплексного анализа.

Ключевые слова: литературный перевод, адекватный перевод, трансформация, классификация межъязыковых трансформаций, лексические и грамматические трансформации.

В современном мире необходимость перевода, прежде всего, обусловлена существованием языкового многообразия. Перевод – важнейшее звено в

международной коммуникации. При переводе происходит не просто замена единиц языка оригинала единицами переводящего языка, но сталкиваются различные эпохи, культуры, традиции, литературы и др. Данные расхождения наиболее видны при сравнении художественных литератур, принадлежащих различным культурам.

Основная цель перевода – достижение адекватности. Адекватный перевод – правильный, полноценный перевод. Многие ученые, занимающиеся вопросами перевода, под правильным и полноценным переводом понимают близость перевода по содержанию и форме к оригиналу.

Понятие адекватности применимо ко всем видам перевода, особое значение оно приобретает при переводе художественного текста. Для достижения адекватности переводчику необходимо уметь производить различные переводческие трансформации. Трансформация – преобразование, в ходе которого происходит замена единиц оригинала соответствующими единицами языка перевода.

По мнению В.Н. Комиссарова, «переводческие трансформации – способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста» [6, 74].

За основу нашего научного исследования мы взяли классификацию трансформаций В.Н. Комиссарова. Ученый выделяет 3 вида трансформаций: лексические, грамматические и комплексные (лексико-грамматические) трансформации. К комплексным трансформациям относятся: экспликация, антонимический перевод и компенсация.

При изучении перевода произведения Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Проклятое дитя» на русский язык было найдено множество примеров применения комплексных трансформаций. Остановимся на некоторых из них.

Экспликация

В тексте перевода пьесы на русский язык были обнаружены следующие примеры **экспликации**:

1. **This is it** [7, 12].

Мы на месте [8, 8].

2. **Have I just put my foot in it** [7, 29]?

Я сказала что-то не то [8, 30]?

3. **And the Trolley Witch** is not able to tell us anything useful [7, 57]?

И ведьма, продающая сладости, не сказала нам ничего полезного [8, 59]?

Антонимический перевод

К **антонимическому переводу** можно отнести следующие примеры:

1. ...I know you don't like him but he's all I **need** [7, 21].

Я знаю, ты не очень-то его любишь, но мне больше никто **не нужен** [8, 19].

2. The Ministry has a Time-Turner, **does it not** [7, 29]?

У Министерства есть Маховик Времени, **так ведь** [8, 29]?

3. That's a bit wow, **isn't it** [7, 29]?

Это здорово, **да** [8, 30]?

4. **Yes**. You did [7, 32].

Нет, имел [8, 35].

5. **It can't have been easy** – with Amos Diggory [7, 37].

Это могло быть легко – с Амосом Диггори [8, 39].

6. **Nobody** else [7, 47]?

Кто-нибудь еще [8, 49]?

7. I **don't think** your mother had even time to scream [7, 70].

Знаешь, **я думаю**, что у твоей матери не было времени, чтобы кричать [8, 74].

8. I won't do it if you don't want me to. But it feels like the only way to me, am I **wrong** [7, 225]?

Но, кажется, это единственный выход. **Я прав** [8, 221]?

9. You told me you **don't think** I'm **scared** of anything [7, 242].

Помнишь ты сказал мне, что ты **думаешь**, будто я ничего **не боюсь** [8, 239].

10. You **don't think** I **ask** myself the same questions [7, 243]?

Думаешь, я **не задаюсь** тем же **вопросом** [8, 240]?

Компенсация

Следующие примеры, найденные в переводе, относятся к приёму **компенсации**:

1. Wow [7, 12]!

Ух ты [8, 8]!

2. Rose. Remember **to send Neville our love** [7, 14].

Роза, не забудь **поцеловать от нас Невилла** [8, 10]!

3. Big year [7, 25].

Важный год [8, 22].

4. I knew yeh weren't gettin' yer letters but I never thought yeh wouldn't even know abou' Hogwarts, **fer cryin' out loud!** [7, 37]!

Я знал, что ты не получал свои письма, но я и подумать не мог, что ты не знаешь, что такое Хогвартс, **черт побери** [8, 37]!

5. You really are an enormous geek [7, 44]!

Ну ты и зубрила [8, 43]!

6. Saw them on the roof together, near the Owlery with Scorpius **playing the gooseberry** [7, 180].

Я их видел вместе на крыше, неподалеку был Скорпиус и **бил баклуши** [8, 174].

7. **Don't play the senility card** with us, old man [7, 181].

Не надо играть с нами, старик [8, 175].

8. They **give me the creeps** [7, 242].

У меня от них **мороз по коже** [8, 239].

Таким образом, в процессе перевода художественного текста, с целью достижения точного и адекватного перевода, используются различные переводческие трансформации. Трансформация – это достижение эквивалентного перевода путем преобразования языковых элементов исходного текста.

Комплексные (лексико-грамматические) трансформации являются отдельной особенной частью переводческих трансформаций.

При переводе с английского языка на русский язык чаще всего использовались антонимический перевод и компенсация. Антонимический перевод использовался для замены какого-либо понятия, выраженного в оригинале, противоположным понятием. Например, отрицательные конструкции передавались утвердительной и наоборот, прилагательные или наречия в сравнительной или превосходной степени заменялись прилагательными (наречиями) в положительной степени или наоборот и т.д. Использование приема компенсации же дало возможность адекватно передать смысл исходного текста.

При использовании комплексных (лексико-грамматических) трансформаций притерпевают изменения как синтаксический строй, так и лексика текста оригинала.

Список литературы / References

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учебное пособие для студ. филол. и лингв фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. Москва: Академия, 2004. 352 с.
2. *Алимов В.В.* Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие / В.В. Алимов. 4-е изд., испр. Москва: КомКнига, 2006. 160 с.
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. Москва: ЛКИ, 2008. 240 с.
4. *Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. Часть I. Москва: Изд-во УРАО, 2001. 104 с.
5. *Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. Москва: КДУ, 2007. 240 с.
6. *Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. Москва: ЛКИ, 2007. 208 с.
7. *Rowling J.K.* Harry Potter and the Cursed Child.Parts One and Two.Published in print in the U.S.A in 2016 by Arthur A. Levine Books, an imprint of Scholastic Inc. 238 p.
8. Гарри Поттер и Проклятое дитя. В 2-х частях / Перевод книги выполнен командой группы Potter News. Киев: Махаон, 2016. 244 с.

METAPHOR «BOOK – THE WORLD» IN THE HISTORY OF EUROPEAN INTELLECTUALISM

Pastushenko L.I. (Ukraine)

Email: Pastushenko54@scientifictext.ru

Pastushenko Ludmila Ivanovna – PhD in Philology, Associate Professor,
DEPARTMENT OF GERMANIC PHILOLOGY,
DNIEPER NATIONAL OLES HONCHAR UNIVERSITY, DNIEPER, UKRAINE

Abstract: the article interprets the metamorphosis of the book as a verbal analogue of the world, implemented in different-stage figurative-style systems of European intellectual thought. The specificity of the concept “book – world” is shown in the constructions of baroque, symbolism, philosophical mysticism, which treat the book organism as a phenomenon open to readers' completion of building. In contrast to these approaches, the modern version of reading the metaphorical identity in the electronic medial space interprets the book world as not requiring receptive contact, but a sovereign “continent-in-itself”, for which the trends of the innovative restructuring of the paradigm of the information cognitive field are guessed.

Keywords: book, verbal creativity, intellectualism, metaphor, subject-object relationship.

МЕТАФОРА «КНИГА – МИР» В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА

Пастушенко Л.И. (Украина)

Пастушенко Людмила Ивановна – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра германской филологии,
Днепропетровский национальный университет им. Олеси Гончара, г. Днепр, Украина

Аннотация: статья изучает метаморфозы представления о книге как словесном аналоге мира, реализованные в разностадиальных образно-стилевых системах европейской интеллектуальной мысли. Показана специфика концепции «книга – мир» в построениях барокко, символизма, философского мистицизма, трактующих книжный организм как открытый для читательского достраивания феномен. В отличие от этих подходов современный вариант прочтения метафорического тождества в электронном медиальном пространстве интерпретирует книжный мир как не требующий рецептивного контакта, суверенный «континент-в-себе», за чем угадываются тенденции новаторского реструктурирования парадигмы информационного когнитивного поля.

Ключевые слова: книга, словесное творчество, интеллектуализм, метафора, субъект-объектные отношения.

Привлекательная поэтическая метафора «мечтающей» или «дремлющей, сонной» книги, положенная в название четвертой части «Замонийского цикла» немецкого писателя Вальтера Моэрс «Die Stadt der träumenden Bücher» («Город дремлющих книг», 2004), кажется прозрачной и несложной только на первый взгляд. На самом

деле она таит множество семантических обертонов и культурных смыслов, лишь часть из которых мы пытаемся проследить в данной статье. Попробуем, например, хотя бы кратко очертить основные этапы осмысления природы границ художественного текста, феноменологии которого изначально присуще самодостаточное онтологическое основание. Под ним мы подразумеваем ту хорошо известную и признанную в научных кругах истину, согласно которой художественный текст более всего другого, созданного человеком, «приближается к „живому“, „органическому“» [2, с. 43]. Так что уместно предположить: направленный на освоение окружающего мира феномен образного творчества созидает и заключает в себе живой универсум, воплощая тем самым генеративное знаковое тождество «книга – мир».

При этом нас интересует, в конечном итоге, ментальный статус культурологической тенденции, согласно которой книга из адресованного читателю и предполагающего его сотворчество объекта превращается в самодостаточный субъект-в-себе, в принципе не требующий контакта с реципиентом или его сопереживания. Книжный континент «дремлет» либо «мечтает о книге», то есть о самом себе – перед нами сформированное современным медиальным пространством электронной коммуникации, осознанное как самодостаточное бытие книжного творения-артефакта, в котором происходит уже не мнимое, а действительное исключение конструктивного «я» из поля рефлексии и созерцания. Трансляция многочисленных интертекстуальных отголосков эстетического слова и образа направляется не в мир реципиента, а внутрь интеллектуального книжного горизонта, знаменуя его сосредоточенность на себе самом, – намечается центростремительное движение феномена восприятия, отчужденного от потенциально генеративного адресата.

О пристрастии барокко к энциклопедизму написано уже достаточно много и интересно. Отягощенность барочной прозы гигантскими каталогами, тщательными систематизациями, страдающими тяжеловесной монотонностью регистрами и перечнями вытекала из риторического способа мышления универсалиями и выступала мерой самой себе в процессе углубления читателя в толщу культурного содержания слова-образа, онтологически укорененного в своем смысловом наполнении. Несмотря на очевидную с точки зрения дальнейшего культурного развития, экстремальную перегруженность сведениями, лишними и однотипными для нас, все же глубинное и уважительное назначение подобных, в разной степени ассимилированных текстом-организмом пассажей, кочующих из одного произведения в другое, – обогатить читателя суммой представлений о мире в его различных составляющих и красочно многоцветных проявлениях. При этом книга стоит на пороге знаменательной открытости в смысле, сформулированном блестящим культурологом-философом У. Эко: она обретает концептуализацию как адресованный читателю источник жизненной мудрости, сокровищница абсолютных знаний и важных сведений о мире, – конфигурация, которую читателю еще надлежит существенно дополнить смыслом определенности [6, с. 153].

Жанровые особенности книги подобного – барочного – типа уже служили объектом анализа филологов-германистов. Если обратить внимание на признаки эстетического слова и стиля романа-«лабиринта» Лознштейна «Арминий» (1689–1690) как «более сценичного чем эпического» [11, с. 259], то становится понятным, почему метр барокковедения Г. Вейдт ценил в произведении «в меньшей степени роман, чем справочник» [14, с. 1273]. Идея барокко – монументальная книга,

которая объемлет мир, и которая, пользуясь системой универсалий, предоставляет упорядоченное толкование лабиринта мироздания и всех его разнообразных и непреодолимо привлекательных звеньев [9]. Справедливо У. Эко утверждал, что «концепт лабиринта был частью идеологии маньеризма и барокко» [7, с. 163]. Масштабное сверхзадание не только непосредственно вовлекает реципиента, покоряя и поражая его необозримой и в то же время стройной архитектуроникой целого, но в конечном итоге именно из-за своей ментальной гипертрофированности оборачивается мстью создателю – alter Deus, поскольку со своей стороны заставляет его склониться под бременем гигантского и в принципе необузданного материала. Это может означать, что барокко как стиль мышления наметил и развил особое понимание предельности в процессе освоения безграничного универсума, – далекое от финального завершения, способное вместить бесконечность, чья субстанция поглощает отдельные формы существования и, не останавливаясь на дискретных проявлениях сущего, требует для своего выражения всей жизни личности, которой, кстати, для утверждающей себя процессуальности художественного мира произведения тоже оказывается недостаточно. Приметным образом финал незаконченного автором романа был разработан братом Лознштейна и ученым теологом Вагнером согласно оставленным писателем заметкам.

Что же происходит с барочным текстом, который, охватывая вселенную, почти неизбежно выливается в неконтролируемую прозу «без берегов»? Морфология романа, автор которого в полной мере отождествил прекрасное с колоссальным в строгом русле соблюдения заповедей барокко, тяготеет к превращению в мировую сумму, «взбесившуюся энциклопедию реалий» (Й. Айхендорф), значимый конгломерат эрудитски окрашенных эпизодов. Нацеленный на бесконечное, эпический замысел испытывает торможение, наталкивается на сопротивление неисчерпаемой универсальной субстанции реалий исторического и современного автору бытия, которыми он всерьез пытается овладеть. Роман выступает как «грандиозная симфония всех знаний своей эпохи» [4, с. 150], но в то же время он подвергается деформации изнутри, в нем подтачивается сюжетное единство, – дают себя знать деструктивные для «произведения-свода» (А.В. Михайлов) тенденции измены жанровой форме романа, происходит преобразование сюжетной истории в безбрежное повествование ради себя самого. Не случайно в формальном отношении за «Арминею» в науке утвердилась репутация концентрата чуть ли не всех известных на то время литературных жанров [13, с. 218]. Исходя из таких черт, в последнее время исследователи высказывают оригинальную мысль о «начале карьеры паратекстуальных феноменов в эпоху барокко» [12, с. 28].

А.В. Михайлов точно подметил, что в центре поэтологической мысли эпохи барокко стоит «сочинение-свод, сочинение-книга, сочинение-мир» [5, с. 336]. С точки зрения историко-литературной перспективы ни данный исследовательский тезис, ни величественная попытка немецкого романиста отождествить книгу с универсумом не выглядят индивидуально-субъективными, например, если вспомнить о типологически более позднем дерзании сокровенной «Книги» С. Малларме, автор которой руководствовался в эссе «Книга, инструмент духа» (1895) символистической идеей: «Мир существует, чтобы завершиться книгой», притом он также не довел свой исчерпывающе-объемлющий замысел до конца (см.: [3, I, с. 119; 6, с. 86; 8, S. 51-52]). Итак, уже в рамках культуры барокко был намечен феномен «произведения в движении», именно в смысле неопределенности его интерпретационного вектора, отсутствия четких границ и, соответственно, заложенного в нем жесткого

авторитарного кода прочтения. Эта тенденция постепенно приобретает более устойчивый контур и впоследствии служит предметом научной рефлексии в выразительном теоретическом очерке У. Эко [6, с. 84–89]. Справедливо исследователь связывает первое «отрицание статичности» и «образец открытости» с барочной художественной формой [6, с. 75].

Х.Л. Борхес в известном эссе «Вавилонская библиотека» (1941) также пользуется многозначным и выразительным метафорическим отождествлением всемирной библиотеки с универсумом. Абсолютное пространство библиотеки включает, согласно автору-интеллектуалу, без исключения все книги, благодаря чему «Каждый чувствовал себя владельцем тайного и нетронутого сокровища... Вселенная обрела смысл, вселенная стала внезапно огромной, как надежда... Все ждали раскрытия главных тайн человечества: происхождения Библиотеки и времени» [1, с. 83]. Наряду с понятием каталога («тысячи и тысячи фальшивых каталогов») далекий от техники эрудитского перечисления автор упоминает о «драгоценной книге» священной мудрости и сосредоточивается на сокровенной для него гипотезе вполне вероятного существования книги-ключа или заветной книги, трактуемой как олицетворение тайны жизни: «Мне не кажется невероятным, что на какой-то книжной полке вселенной стоит всеобъемлющая книга; молю неведомых богов, чтобы человеку – хотя бы одному, хоть через тысячи лет! – удалось найти и прочитать ее. Если почести, и мудрость, и счастье не для меня, пусть они достанутся другим. Пусть существует небо, даже если мое место в аду. Пусть я буду поправ и уничтожен, но хотя бы на мгновение, хотя бы в одном существе твоя огромная Библиотека будет оправдана» [1, с. 84]. Итак, автор рассматривает сокровенную книгу не как бескрайний аналог вселенной, а как ее во многом благое инобытие, заключенное в Библиотеке. Объект желаний «я» связывается с понятием заветной книги, писатель-гуманист пропагандирует самоотречение интеллектуализма, поскольку его Искатель исповедует идею возможного обретения истины-счастья и самоосуществления личности, предполагая это для любого и каждого, подобного ему человека.

Вспомним, однако, что эссе Борхеса, которое мы воспринимаем как предметно-книжно ориентированную конкретизацию интертекстуального вектора современной культуры словесного творчества, относится к середине прошлого века. Но что же происходит сейчас с упомянутой мощной ментальной тенденцией соотношения книги и вселенной и, в частности, с воплощаемой этим культурным кодексом мифологемой книги как аналога мира, открытой для реципиента (или временно зашифрованной в ее игровом векторе) сокровищницы таинства бытия? Ведь в современном медиальном пространстве бумажный вид книги предстает перед лицом действенных, очень эффективных конкурентов электронных носителей, непривычных для прошлого и вообще вряд ли предполагаемых им.

Интересный и неординарный ответ на вопрос о новом бытии книги предлагает Вальтер Моэрс, по нашему мнению, – автор, органичный для медиального пространства, и данный факт в значительной мере определяет логику трансформации рассматриваемой метафоры «книга – мир» в системе остро современной полифонии жанров. Книжная имажинация Моэrsa [10] – это не что иное, как волшебная и полная иронии нарративная мистификация, в центре которой стоит искрометная игра с авантюрным сюжетным стереотипом, логика приключений слова, мощный интертекстуальный арсенал, заполняющий пространство текста с помощью техник отсылки, намек, иносказания. В данном

сочинении классические законы фэнтези взаимодействуют с философскими идеями реконструкции памяти жанров и предстают в переплетении с вводными мотивами-аллюзиями многослойного сюжетного организма. При этом объем тезауруса «книга» отличается необычайной пластичностью, словесным изяществом и изысканностью, богатством наполнения, в нем фигурируют понятия от конкретных (das Buch, der Stapel Bücher, der Foliant, das Wörterbuch, das Papier, der Bücherstaub, der Buchdeckel) до специальных и литературно специфических профессионализмов (die Dichtkunst, der Dichtpate, das Gedicht, den Wortschatz bereichern, Dichterwettbewerbe, das Schriftstellerhandwerk, die schriftstellerische Erziehung, die künstlerische Entwicklung), что далеко не всегда и не обязательно открывает произведение для читателя, а достаточно часто уводит его в довольно прихотливые глубины и особенности писательского дела. Исходный тезис повествователя, зачарованного гармонией буквенных знаков, таков: «Jeder Buchstabe behauptete sich als souveränes Kunstwerk, es war ein Ballett von Zeichen, die zu einem betörenden Reigen über die ganze Seite Choreographien waren» (Каждая буква утверждала себя как суверенное произведение искусства, это был балет обозначений, складывавшихся на каждой странице в настоящий, способный свести с ума хореографический хоровод) [10, с. 27].

Проследим причудливый рисунок рассуждений пограничного рассказчика Моэрса: «Dann kam wieder ein Absatz, und ein gänzlich neuer Ton wurde angeschlagen, hell und klar wie eine gläserne Glocke. Die Worte wurden plötzlich zu Diamanten, die Sätze zu Diademen. Dies waren unter geistigem Hochdruck konzentrierte Gedanken, mit wissenschaftlicher Präzision berechnete, gespaltene, geschliffene und polierte Worte, zusammengefügt zu Preziosen von kristallener Vollkommenheit, die an die exakten und einmaligen Strukturen von Schneeflocken erinnerten» [10, с. 32]. Самолюбование завершенностью, излучаемое этим текстом, могло бы контрастировать и даже резко диссонировать с вечно ненасытным словом барокко, если бы тексты могли «встретиться», а не были бы разделены исторически огромной дистанцией.

Обратим внимание, сколь последовательно, вплоть до самоопровержения ироничен Моэрс, сначала созидаящий абсолютную вершину для поклонения, а затем одним взмахом пера низвергающий собственный, тщательно возведенный трон: «Das war Denken, Schreiben, Dichten in seiner reinsten Form – niemals zuvor hatte ich etwas auch nur annähernd so Makellosoes gelesen. Einen einzigen Satz will ich aus diesem Text zitieren, nämlich denjenigen, mit dem er endete. Es war gleichzeitig jener erlösende Satz, welcher dem von Schreibhemmung geplagten Dichter endlich einfiel, um seine Arbeit beginnen zu können. Ich benutze diesen Satz seither jedes Mal, wenn mich selbst die Angst vor dem leeren Blatt ergriffen hat, er ist unfehlbar und seine Wirkung immer die gleiche: der Knoten platzt, und der Strom der Worte ergießt sich auf das weiße Papier. Er funktioniert wie eine Zauberformel, und ich glaube manchmal, dass er tatsächlich eine ist. Und wenn er nicht das Werk eines Zauberers ist, dann zumindest der genialste Satz, den jemals ein Dichter ersann. Der Satz lautet: „*Hier fängt die Geschichte an*“ [10, с. 32-33]. «Гениальнейшее» предложение, пространно перифрастически описанное как «волшебная формула» для всех случаев жизни писателя, сводится к фразе: «Сейчас история начинается». Священнодействие ли это или насмешка и сарказм – вопрос намеренно открытый.

Реалии предметной конкретики окружения языковой личности повествователя Моэрса граничат с чисто фантазийными, игровыми атрибутами беспредельного и верного себе книжного мира, интеллектуальные измерения языковой личности «я»

насыщают рассказ атмосферой безграничных и необъятных в их сущности приключений авторского повествователя. Целью писателя, таким образом, является внушить читателю впечатление об абсолютной реальности духовно-книжного хронотопа, параллельного привычным рядовым земным сферам бытия человека, сознание которого одновременно находится как в земных, так и в условно-игровых внеземных, то есть духовно-интеллектуальных измерениях.

Мы видим, что саморефлексия книжного мира здесь репрезентативно филигранна и довлеет себе. Книжное пространство все более замыкается и зашифровывается для каких-либо внешних вторжений, созидательная интервенция читателя едва ли предполагается. Субъект-объектные отношения метафоры «книга – жизнь» в «Замонийском цикле» Моэrsa переиначиваются в направлении формирования метафорического образа книги как суверенного субъекта, который существует в своем самодостаточном измерении и принимает в себя читателя не как созидателя, а как необязательного гостя, вольного открывать тайны автономии книжного мира или вовсе не погружаться в них, а отстранять однозначные решения. Представляется, что данная метаморфоза отражает новое парадигматическое структурирование окружающего нас когнитивного информационного пространства.

Список литературы / References

1. *Борхес Х.Л.* Проза разных лет. М.: Радуга, 1984. 320 с.
2. *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика: учебное пособие. М.: РГГУ, 2001. 420 с.
3. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашиных, 1998. Т. 1–2. 944 с.
4. *Михайлов А.В.* Роман и стиль // Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982. С. 137-203.
5. *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 326-391.
6. *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Симпозиум, 2006. 412 с.
7. *Эко У.* О литературе: эссе. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 416 с.
8. *Hocke G.R.* Manierismus in der Literatur. Sprach-Alchimie und Esoterische Kombinationskunst. Hamburg: Rowohlt, 1959. 338 S.
9. *Lohenstein D.C. von.* Großmüthiger Feld-Herr Arminius oder Hermann: In 2 Bd. Leipzig: Johann Friedrich Geditschens fel. Sohn, 1731. Bd. I, II. 2868 S.
10. *Moers W.* Die Stadt der träumenden Bücher. Ein Roman aus Zamonien von Hildegund von Mythenmetz. München: Knaus Verlag, 2004. 635 S.
11. *Müller G.* Deutsche Dichtung von der Renaissance bis zum Ausgang des Barock. Wildpark – Potsdam: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion M. B. H., 1927. 262 S.
12. *Rieger S.* In(ter)ventionen. Die Ordnung der Texte im Barock / S. Rieger // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Hf. 154. Barock. April, 2002. S. 22-34.
13. *Spellerberg G.* Das „Verhängnis“ in den Trauerspielen und im „Arminius“-Roman Daniel Caspers von Lohenstein. Berlin – Zürich: Verlag Gehlen Bad Homburg vor der Höhe, 1970. 263 S.
14. *Weydt G.* Der deutsche Roman von der Renaissance und Reformation bis zu Goethes Tod // Deutsche Philologie im Aufriss: In 3 Bd. – Berlin, Bielefeld, München: Erich Schmidt Verlag, 1962. Bd. 2. Sp. 1217-1356.

**IV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF HISTORY,
CULTURAL STUDIES AND PHILOLOGY
Boston. USA. November 19-20, 2018
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share — copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt — remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution — You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.
ShareAlike — If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

**ISBN 978-1-948507-60-8
INTERNATIONAL CONFERENCE**

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

DISTRIBUTED FREE OF CHARGE